

ПАМЯТЬ

Рождение нашего города связано с углем, в 1856 году в урочище Карагандабасы была заложена первая горная выработка — Ивановский угольный разрез. Появилось и первое капитальное здание из дикого камня — казарма для рабочих.

Публиковавшиеся до революции статистические данные о численности населения Карагандинских каменноугольных копей не дают полной информации. Обычно приводилось только число работающих. Остальные члены семей не учитывались. Так, в 1857 году на коях находилось 25 рабочих-казахов, мещан и крестьян 34 и 2 надзирателя. Итого 61 человек. В 1883 году жило рабочих 293, в 1913-м—620, в 1915-м—844. В марте 1923 года копи были поставлены на консервацию. Карагандинцы стали уезжать в Экибастуз, Акмолинск, возвращаться в родные аулы и села. В середине 1923 года перепись зафиксировала здесь 612 человек населения, 241 постройку, 2 склада и 3 торговых заведения. К 1929 году на коях проживали 2—3 семьи (10—12 человек), занимающихся сохранением законсервированного оборудования. Освоение Карагандинского угольного бассейна вызвало приток населения. В августе 1930 года зафиксиро-

В 1936 ГОДУ мои родители, спецпереселенцы, покинули барак в Новой Тихоновке. Отец, шофер, как-то ухитрился построить дом. Начать то строение домом можно было условно. Над землей возвышалась только часть стен, а вторая их половина уходила в почву. Дом саманный, с сенцами, откуда был вход в сарайчик. Вокруг дома отец рассадил акацию. Такию вот дома, где получше, а где и похуже, стояли не только на нашей Чимкентской улице, но и на соседних: Джезказганской, Алма-Атинской, Карагандинской, Акмолинской. Главным орудием при строительстве таких сооружений была лопата, отчего весь поселок в районе шахт 18-бис, 36-й, 18-основной и обогатительной фабрики носил собственное имя—Копай-пород.

Наш дом был по улице Чимкентской, 4. Выше жила только тетя Шура Чумарева, а ниже — семьи Левиних, Тамбовцевых, Юдиных. По нечетной правой стороне помню Лысенко, Герасимовых, Румянцевых и Бабошиных, в семье последних вырос известный в Караганде учитель математики В. К. Бабошин.

В Копай-городе в сентябре 1937 года родился автор этих строк. Себя помню лет с четырех, с такого вот случая. Была осень 1941 года, Мама прихватила меня с собой за покупками. Мы перешагнули железнодорожную ветку, что шла с шахты 36-й на 18-бис и оказались у магазина. Мама вошла в магазин, а я остался стоять у горы с арбузами. Круглые, полосатые шары поразили меня. Люди покупали их, тут же разрезали и кусали. Какой-то добрый человек протянул ломоть и мне. Арбуз есть арбуз. С тех пор я полюбил арбузы. И это помогло мне впоследствии стать дачником.

Война катилась вначале на восток, а потом, как сжатая пружина, стала разматываться на запад. Радио мы тогда не могли слушать, а все новости знал от нашего уличного водовоза деда Набоки. Дед возил воду летом на телеге, а зимой на санях. Обычно он останавливался где-то посредине улицы. Собирался народ, и дед, направляя шланг в ведра и тазы, провозглашал примерно в таком духе: «Радуйтесь, люди, наши Харь-

вано 5196 человек, в том числе 3300 членов семей, в сентябре 1930 года — 8372 человека, в том числе 5857 членов семей.

На дальнейший рост населения Караганды повлияла коллективизация в сельском хозяйстве, Спасаясь от голода, казахи-степняки устремились в Караанду. Насильно были привезены спецпереселенцы из России (15-16 тыс. семей), которые были размещены в поселках Новая Тихоновна, Компанейском, Майкудуке и Пришахтинском. К концу 1931 года в Караганде и прилегающих поселках было около 90 тысяч жителей,

С 6 февраля 1934 года Караганда переведена в разряд городов, а с 1936 года стала областным центром. В 1939 году население его составляло 165,9 тысячи человек, в 1950 — 350 тысяч, а к 1970 году численность проживающих здесь людей перешагнула 500-тысячный рубеж. 10 февраля 1983 года в Караганде родился 600-тысячный житель.

Меньше года остается до ознаменования такой важной для всех нас даты — 60-летия Караганды. История города многолика. О Караганде написаны книги, сложены стихи и песни. Есть и энциклопедическое издание о городе и об-

КОПАЙ-ГОРОД ДЕТСТВА

К 60-летию Караганды

Юрий Попов,

КРАЕВЕД

ков взяли!». Больше всех торжествовало наше племя несмышленишей. Мы дружно кричали «Ура!». Дед Набока салатовал шлангом, и мы разбегались, по своим домам, радуя близких приятной вестью.

И еще воспоминание из военного периода. Как и откуда появились цыгане, точно не представляю. Наверное, были эвакуированы. Образовалась цыганская колония, или, как мы говорили, цыганская улица. Чем занимались у них мужчины, не знаю, а вот женщин вижу, как наяву. Сухощавые, стройные, не нахальные, как сегодня, а в черных платочках и обязательно с маленьким ребенком на руках.

— Страдает твое сердце, обращались они к маме.— За дочь свою переживаешь, но жива, жива твоя голубка. Жди письмо через два дня...

Мама, успокоенная тем, что ее дочь Катя не ранена и не убита там, на Западном фронте, не могла утерпеть и шла по соседкам, Разговоров, сомнений хватало. Но, удивительно, сбывались слова гадалок. Ровно через два дня почтальонша приносила в наш дом треугольник солдатской весточки. И снова мама шла по домам, гордая за свою бесстрашную дочь, не обращающая внимания на такие вот возражения:

— У цыганки-гадалки на почте хорошие знакомые. Письма разрешают просматривать..

Где правда, где вымысел, кто теперь знает? Но мама с тех пор цыган зауважала. И где бы мы после ни жили, в Новом городе по Индустри-

альной или в Большой Михайловке по Моторной, мама цыган привечала. Она до конца верила, что именно цыганский заговор помог ее первой дочери, первому ее ребенку, остаться живой и невредимой.

В ОЙНА шла и грохотала раскатами где-то далеко от нас. Здесь, в далеком тылу, люди решали свои проблемы. В нашей семье отец по совету с мамой приобрел корову. Отцовская крестьянская душа страдала без скотины. По тем меркам, эта животина была для родителей, что для нас сегодня «Жигуль». К тому же отец поднял авторитет коровы до уровня райпичеторга:

— Берегите Милку (так звали корову) — от нее и молоко, и приплод, и удобрение... Охраняли Милку по всем жестким правилам военного времени.

Отец тогда работал в Новом городе. Договорился в столовой брать пищевые отходы, капустные листья. Все это ему зачастую приходилось везти с собой на трудовом поезде. Была уже глубокая ночь. Состав останавливался у Каздрамтеатра, и дальше отец шел темными переулками на вокзал. Пробираясь под вагонами, вызывал своим мешком подозрения у милицейского патруля. Отца задерживали, проверяли ношу и отпускали...

Дома отец сразу же шел к своей любимице. Задавал корм, чистил стойло, выбрасывая навоз в маленькое окошко в стене сарая. Окошко потом укреплял щитом и железными штырями. Раза два в

ночь ходил осматривать заборы. Маленькое окошко приманивало лихих людей, и они постоянно пытались взломать деревянный щит. Иногда били так откровенно и нагло, что отец вступал с жуликами в переговоры, пугая их несуществуящим ружьем.

Летом все жители Копая посылали своих детей в степь пасти коров или другой скот. Будила мама меня и мою сестру Веру (у нас была разница в четыре года в ее сторону) очень рано. Мне на шею вешала холщовую сумку с хлебом и молоком, а Вере заворачивала в тряпочку две алюминиевые чашки.

— Милку привяжите к тому колышку, что я забила прошлый раз. Сами из «Черного моря» черпайте кашицу. В ряд, как я вас учила, расставляйте брикеты сушить. Если что, я буду на терриконе 36-й шахты собирать куски угля и обрезки лесин...

Море моего детства—«Черное море»! Может быть, после знакомства с тобой, я наконец забуду о том настоящим, всемирно известном море и никогда не тосковал по его лазурным берегам. Мое «Черное море» родила центральная обогатительная фабрика—ЦОФ. Черный шлам — продукт таинственного процесса обогащения угля, примерно, из года в год покрывал зеленую степь за крайней улицей Копай-города. — Марианной. На берегу своего моря мы с сестрой усердно готовили брикеты. Часть из них рассыпалась, а другая твердела и имела вполне товарный вид. Подъезжал отец на грузовичке и, погрузив топливо, вез домой. Уголь тогда в Копай-городе никто, наверное, не покупал. Мы жили на угле и среди угля. Самые храбрые и ловкие брали его прямо из вагонов,

ласти. Но не поставлена последняя точка в летописи Караганды. Начиная серию публикаций о городе солнечного камня, редакция надеется, что из писем, воспоминаний первостроителей, первопроходцев пробужденного края, их потомков будут воссозданы дотоле неизвестные страницы истории города. Караганду строила вся страна — добровольцы-энтузиасты, спецпереселенцы, эвакуированные в годы войны донбассцы, ленинградцы, москвичи, сосланные сюда не по своей воле жертвы репрессий, немцы, чеченцы, ингуши, корейцы, представители других национальностей и народностей. В судьбе каждого из них Карагандой отмечен глубокий след. Именно здесь, у горна кузницы трудовой Караганды, ковалась дружба людей, населяющих республику ста языков, именуемую Казахстаном.

Начиная новую рубрику, мы предоставляем право первой публикации известному краеведу, исследователю Сары-Арки, горному инженеру, кандидату технических наук, ученому секретарю Карагандинского научно-исследовательского угольного института Юрию Григорьевичу Попову, уроженцу нашего шахтерского города и патриоту Караганды.

ПЕРВЫЙ раз я спустился в шахтный шурф, когда мне было лет восемь. Благо этот подземный ход находился недалеко от дома. Шурф был вертикальный, на два отделения. По грузовому сбрасывали распил и стойки, а по людскому спускались и поднимались шахтеры. Крышка шурфа обычно была открытой. И вот как-то вдвоем или втроем, преодолев страх перед темнотой и глубиной, мы нырнули в люк. Опустились на три площадки и остановились. Где-то там, внизу пробивался через доски желтый луч света, слышался прерывистый грохот, неясный плавающий говор.

Долго мы так стояли, разглядывая шахтерскую преисподнюю и лова непривычные, неземные звуки. Спугнули нас лесогонны, прибывшие с лесом. Под их насмешливо-веселые угрозы мы выскочили из шурфа и укрылись на Большом обвале. Шахта 18-бис сбрасывала в обвал банные стоки. Образовалось болотце, в котором мы и смыли свою первую угольную пыль.

Любимой игрой подростков Чимкентской улицы было строительство шахт. Около своего дома каждый из нас втайне от других рыл длинные траншеи. Затем они покрывались трофейными шахтными горбылями и присыпались землей. Как при всякой настоящей шахте, здесь был главный ствол и запасный выход. Конечно, самые престижные шахты строил Толик Лысенко. Мы завидовали его широким подземным ходам и неожиданным таинственным поворотам. Зависти как таковой к приятелю не испытывали. Ведь отец Толика Степан Васильевич Лысенко являлся начальником знаменитого добычного участка на шахте 18-бис. Вообще, в нашем районе проживало много шахтеров. На Пионерской улице стоял дом Анисима Ловягина, тоже начальника участка, но другой шахты. В начале войны Ловягин был призван в трудовую армию, и след его потерялся. Остался у шахтера сын Геннадий. Ныне Г. А. Ловягин главный инженер шахты «Северная». Помстине, как говорится, где родился, там и пригодился.

Когда я рассказал этот случай сестре Вере, она заметила:

— А я помню такое, после очередной посадки на нашей улице образовалась глубокая яма, выемка. Летом после дождей мы в ней купались и плавали в корыте. От этой ямы протянулись трещины и как раз на меже между нашим двором и двором Левиных земля глубоко провалилась. Получилось как бы ущелье, куда упал один какой-то любопытный пацан. Наш отец его вытаскивал. Затем мы долго засыпали пробоину золой от домашних печей...

Долго мы так стояли, разглядывая шахтерскую преисподнюю и лова непривычные, неземные звуки. Спугнули нас лесогонны, прибывшие с лесом. Под их насмешливо-веселые угрозы мы выскочили из шурфа и укрылись на Большом обвале. Шахта 18-бис сбрасывала в обвал банные стоки. Образовалось болотце, в котором мы и смыли свою первую угольную пыль.

Любимой игрой подростков Чимкентской улицы было строительство шахт. Около своего дома каждый из нас втайне от других рыл длинные траншеи. Затем они покрывались трофейными шахтными горбылями и присыпались землей. Как при всякой настоящей шахте, здесь был главный ствол и запасный выход. Конечно, самые престижные шахты строил Толик Лысенко. Мы завидовали его широким подземным ходам и неожиданным таинственным поворотам. Зависти как таковой к приятелю не испытывали. Ведь отец Толика Степан Васильевич Лысенко являлся начальником знаменитого добычного участка на шахте 18-бис. Вообще, в нашем районе проживало много шахтеров. На Пионерской улице стоял дом Анисима Ловягина, тоже начальника участка, но другой шахты. В начале войны Ловягин был призван в трудовую армию, и след его потерялся. Остался у шахтера сын Геннадий. Ныне Г. А. Ловягин главный инженер шахты «Северная». Помстине, как говорится, где родился, там и пригодился.

(Продолжение следует).

Юрий Попов,

КРАЕВЕД

КАК И ВО ВСЯКОМ приличном городе, в Копее было несколько своих лидеров среди подростков. Когда мы улицей собирались идти купаться на шахту № 33/34, то обязательно вспоминали братьев Пряхиных. Они верховодили в районе улиц Акмолинской и Карагандинской и перекрывали наши вылазки — не только к водоему, но и к японской зоне. Зона стояла за Копеем. В ней жили пленные, работавшие на шахте.

Какой копейский мальчиш-

ни у нее, ни у меня. Встретились мы, когда в 1955 году поступили в Карагандинский политехнический институт, куда нас зачислили в группу ГИ-55-4.

ВРЕМЯ от времени наступали такие дни, когда подростки Копая объединялись в одну солидную разновозрастную армию. Разведка доносила, что нас собираются бить 8-я школа, которой мы не оказывали должного уважения при встречах на вокзале. Пассажирский вокзал —

ху, и он, заметив наши формирования, стал вызывать по телефону конную милицию, один вид которой прекращал все распри.

Зимой развлекались катанием с террикоников на санках и лыжах. Выбирали заснеженный склон, куда не попадали свежие куски породы, и укачивали его до блеска. Мериллом храбрости являлась вертушка террикона шахты № 36. Не каждый решался спуститься с нее. Но если такое происходило, то счастливчик мчался далеко — аж до дома дяди Вани Карякина. Испытал себя однажды и я. До ровного места кувыркался без лыж. Они укатились далеко вперед. А вот обе рукавицы, один валежник и фуфайка остались на

ственные места. Как-то затащила меня на шахту № 36. Был день полочки. Еще не помывшиеся после смены шахтеры толпились у окошечка кассы. Получив деньги, отходили в сторону и прямо на полу коридора пересчитывали их, бросая купюры в каску. На наших глазах росли целые денежные горы.

В очередную вылазку попали в райкомендатуру. Правда, не в само учреждение, а в небольшой сарайчик, что стоял во дворе. Дверь его не закрывалась на замок, а сам сарайчик был забит папками с делами лиц, находившихся под надзором органов райкомендатуры. Папки мы листали долго, Вера их читала основательно (не случайно думаю,

масшедший. Потом она рассказывала: «Он ножом по стеклу, а я ставни на крючок. Бегу к другому стеклу, и сно- он. Хлопаю ставнями, и тут же звон разбитого стекла. Третье наше оконце бедовый человек пощадил. Зачем-то свернул через огород к Дудкиным. Сбросил у них с крыши печную трубу и пытался повеситься на каких-то проводах. Тут его и задержали опомнившиеся, наконец, соседи.

И другие трагедии развешивались тогда в землянках Копая. Напротив повесилась женщина, хотя сделать это в низких домиках непросто. Осуществила свое решение с помощью полотенца и спинки кровати. Приняла смерть от большой любви. Говорили, что покойная очень ревновала мужа. Иногда по нашей улице шествовала крупная полная дама. Называли ее уважительно «Царь-баба» или баба Грания. Народная молва приписывала ей роль атаманиши всех разбойников не только Копая, но и Старого города. Этот слух еще более укрепился, когда недалеко от дома бабы Грания обнаружили убитого человека. Нашли и крайнего, шестнадцатилетнего мальчугана по прозвищу Клоп, Не

КОПАЙ - ГОРОД ДЕТСТВА

К 60-летию Караганды

ка не хотел увидеть незнакомых людей из-за океана! Нам они все казались совершенно одинаковыми на лицо, К тому же являлись обладателями диких вещей заморских вещей. Вокруг зоны можно было найти японскую пуговицу, обломки расчески, испорченную зажигалку. Но на страже всего этого богатства стояли братья Пряхины. Приходилось пускаться на разные, хитрости. Набирали семь-восемь человек и предлагали Пряхиным сыграть в футбол. Те колебались, и тогда в ход шли слова: «Что, сдрейфили!», «Никто из вас не умеет бить пыром!», «Ваш вратарь — дырка!». Гордые Пряхины тогда бросали клич, и собиралась такая же бо-соногая команда, под стать нашей.

Мячи были тряпочные. Связывали в шар всякую ветошь, особенно старую шахтерскую спецовку. Из-за такого вот мяча Пряхины еще раз прославились среди жителей Копая. Пожертвовали на мяч настоящую японскую фуфайку. Приняли мы ее с большим энтузиазмом. Дело шло уже к игре до первого гола, когда лопнула обвязка. На правах хозяина Пряхины приступили к ремонту мяча, но неожиданно побежали со стадиона. В их руках колыбалась красивая разноцветная простыня. «Знамя! Японское знамя?» — крикнул какой-то знаток иностранной атрибутики. Мы бросились в погоню. Напрасно. Военный трофей, обнаруженный в фуфайке, достался братьям Пряхиным.

Совсем недавно японская история напомнила о себе. Из архивных материалов узнал я, что вблизи шахты № 42-43 существовало 6-е отделение лагеря № 99 японских военнопленных. 25 из них скончались здесь и похоронены на близлежащем, уцелевшем до сих пор кладбище.

В том же пряжинском углу на Акмолинской улице жила и моя будущая жена Лилия Просвирина. Вероятно, мы виделись и играли вместе, но это не отложилось в памяти

ворота Караганды, привлекал ребят как из Копая, так и из Старого города. Жизнь здесь была ключом. Люди приезжали в красивых вагонах, носили строгую военную форму, имели при себе блестящие полевые сумки. Немало скиталось эвакуированных и просто бездомных. Последних неутомимо гонял небольшого роста милиционер-казах по кличке Петух- Петуха обе враждующие стороны боготворили. Мы верили в легенду, что храбрый страж в одиночку выследил и обезвредил карагандинский филиал «Черной кошки». И еще. На вокзале торговали морсом, пончиками, а подвыпившие добрые дяди совали в руки ломоть хлеба, а то и горсть монет. Словом, на вокзале было не только интересно, но и сытно,

«Битва за вокзал» прорабатывалась заранее. Парламентеры определяли день и час военной игры. Для нас это была не драка и не стычка, а именно военная игра, ведь мы были дети своего времени. И начиналась потеха. Копайгородская армия, вооруженная легкими металлическими кругами — полундрами скрытно формировалась под обрывом Большого обвала. Старогородские с рогатками вызывающе разгуливали по вокзальным путям, призывая нас сразиться в честном бою один на один. Но до такого боя схватка не доходила. Как только наши шли в атаку, противник неторопливо отступал, зная, что дальше вокзала мы не рискуем вести преследование. Таковы были правила, и нарушать их не рекомендовалось. Все-таки однажды наш славный разведбатальон переступил через закон игры. Выбрав школяров с вокзала и стали их преследовать в зигзагах привокзальных землянок. Незаметно нас окружили, и уже, собирая все силы, мы мчались к спасительным путям. На нашу беду, через вокзал проходил эшелон с углем. Подлезать под него было опасно. И нас, человек пять, взяли в плен и закрыли в теплушке тут же на вокзале. Освободили нас под вечер, когда утихли военные страсти.

середине трассы. Пришлось потом за ними карабкаться.

Мама не разрешала долго гулять зимой. Пугала волками. Мол, забегают голодные в Копай, рвут собак, кусают ребят. Как бы в подтверждение ее слов во дворе Кобиных появились две волчьи шкуры. Висели они на турнике, и каждый мог потрогать пасть серого разбойника. Но добывали зверей Кобины не на улицах Копая, а на его окраине, куда промкомбинат свозил отходы забиваемого скота, а то и падаль,

ВСЮ ЖИЗНЬ чувствую, как не хватает мне старших братьев. Оба они умерли в Караганде. Старший, Петр, скончался еще до моего рождения в бараке Новой Тихоновки. Второй, его звали Жорка, Георгий был старше меня всего на два года. Он умер в Копее в 1942 году от воспаления легких. Я тяжело переживал его кончину, плакал и просил маму отыскать брата... Так я попал под опеку сестры Веры. Мы с ней не только пасли корову, но и путешествовали по цивилизованным местам Старого города. Я узнал, что существует книжный магазин Казогиза, пожарное депо, кинотеатр, первое отделение милиции, парк с могилой Костенко, Каздрамтеатр и базар на Михайловско-Майкудукском шоссе. Я был поражен, когда увидел, как на толкучке ребятки моего возраста бойко торговали обыкновенной питьевой водой, черпая ее кружкой из ведра. Изумил меня русский богатырь Иван Бедило. Он приехал с цирком и в Дальнем парке гнул рельсы и рвал морские цепи.

Свой бизнес был и у нас с сестрой. Время от времени по нашей улице проезжал на телеге китаец из «Утильсырья». Он собирал кости, старое тряпье, бумагу и бутылки как битые, так и целые. За сданное расплачивался игрушками: свистками или журилицей на палочке. Особо ценная вещь, как обувь, стояла сладкого петушка из сахара.

Вера от природы была очень любознательна. Особенно обождала посещать всякие обще-

что впоследствии она закончила исторический факультет КазГУ). Что же касается меня, то я рассматривал фотографии «врагов народа». Потом мы стали потихоньку выносить папки, предлагая их китайцу из «Утильсырья». Сделки, однако, не получилось. Ходя, как называли возчика, увидев государственные дела, пробормотал что-то вроде «наша ваша не знай» и свернул на соседнюю улицу. Пришлось тащить трофей домой и прятать их под кроватью. Мама скоро обнаружила кипу бумаги, разволновалась и лучше ничего не придумала, как сжечь украденное. Потом на сарайчик повесили замок, и наши посещения архива райкомендатуры прекратились сами собой. Но скоро в этом сарайчике стала работать какая-то женщина, даже, кажется, знакомая нашей семьи. Она сортировала папки. Некоторые откладывала в сторону и разрешала вырывать оттуда неиспользованные страницы. Вера их обрезала и готовила тетрадки. Это был хоть какой-то выход, потому что многие в военный период писали на газетах.

СЕСТРА была небольшого роста, но очень ловкая и не по-детски храбрая. Особенно поднялся ее авторитет после такого вот случая. Жила на нашей улице эвакуированная семья: двое детей с матерью. Все трое угорели. Едва их похоронили, как вернулся с фронта глава семьи. Как он, несчастный, кричал, как переживал, помню до сих пор. Ушел на кладбище и там рыдал и копал руками могильные холмики. Разум его определенно помешался. Страшным вернулся солдат к опустевшему очагу. В порванной гимнастерке, без ремня и с ножом в руках. И не кричал, а только хрипел глоткой: «Не уберегли! Не прощу!». Шел по улице и бил стекла всем подряд. Добрался и до нашего дома. Мама в это время, кажется, была на эстакаде 36-й шахты, на породовыборке. За дом отвечала Вера. Вот и бросилась она к двери, заперлась и стала закрывать внутренние ставни, чтоб, не дай Бог, не попал в дом этот су-

знаю ничего больше об этом случае, кроме того, что баба Грания дождалась в своей жизни внуков, а бедолага Клоп отсидел полностью свои 25 лет и поселился потом в Новом городе.

В 1944 году я пошел в первый класс школы № 9. Занимались в бывшей конюшне райкомендатуры. Из одноклассников помню Бориса Карташова. День Победы в памяти. Нас отпустили с уроков, и мы носились по улицам своего саманного Копая с криками: «Ура! Победа!» — Сердце переполнялось какой-то радостью, приближением важных перемен. Так оно потом и произошло. Осень 1945 года я провел с отцом. На стареньком газогенераторном ЗИСе вывозили зерно с токов колхоза имени Буденного Ворошиловского района. Я впервые увидел Нуру, березовые леса Бельгаша и Кернея. Затем, в середине 1946 года, прибыла с мужем и сыном старшая сестра Катя. Она после окончания Свердловского медицинского института ушла на фронт, в госпитале встретила раненого пулеметчика Ивана Николаевича Перышкина и вышла за него замуж. В декабре 45-го у них родился сын Борис. Сестра стала работать в поликлинике Нового города, ее муж — в строительном управлении. Получили они квартиру по Индустриальной — ныне улица Алалыкина. За один день погуляли и отвезли вещи. Осталась корова, которую мы с мамой погнали на новое место. Миновали базар и шахту Костенко. Далее тянулась степь, в конце которой маячили дома Нового города —

Так, осенью 1946 года я простился с Копай-городом, той частью Караганды, которой предстояло еще пережить подработку, взрыв 18-бис, переселение людей в новые кварталы Майкудука и Нового города. Сегодня на месте нашего дома строения шахты «Северная». Нет уже и террикона шахты № 36, «Утильсырья» и 9-й школы. Из жилых домов остался квартал в районе улицы Марианна. Работает по-прежнему ЦОФ, гудок которой будит в душе воспоминания о городе моего детства — Копее.

{Окончание. Начало в номере за 21 апреля}.